

Роберт Стивенсон

Билль с мельницы

Роберт Льюис Стивенсон

Билль с мельницы

«Public Domain»

1878

Стивенсон Р.

Билль с мельницы / Р. Стивенсон — «Public Domain», 1878

«Мельница, на которой жил Билль со своими приемными родителями, стояла в горной долине, среди соснового бора и высоких гор. Горы эти громоздились все выше и выше, один холм над другим, поросшие густым лесом, до тех пор, пока не взгромоздились выше самых смелых сосен не остались голыми и серыми, резко вырисовываясь на фоне неба своими причудливыми контурами...»

Содержание

Глава I	6
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Роберт Стивенсон

Билль с мельницы

* * *

Глава I

Равнина и звезды

Мельница, на которой жил Билль со своими приемными родителями, стояла в горной долине, среди соснового бора и высоких гор. Горы эти громоздились все выше и выше, один холм над другим, поросшие густым лесом, до тех пор, пока не взгромоздились выше самых смелых сосен не остались голыми и серыми, резко вырисовываясь на фоне неба своими причудливыми контурами.

Несколько выше мельницы, по горе раскинулась точно серый лоскут или клочок тучи, повисший на лесном склоне горы, маленькая деревушка; оттуда при благоприятном ветре доносился к Вилли мелодичный, серебристый звон колокола деревенской церкви. От мельницы долина спускалась все круче и круче вниз, и в то же время она значительно расширялась в обе стороны. С небольшого пригорка за мельницей открывался вид не только на всю долину, но и гораздо дальше, на громадную равнину, по которой, извиваясь и сверкая, протекала широкая светлая река, весело спеша от одного большого города к другому на своем пути к морю. Случаю было угодно, чтобы через эту горную долину пролегал путь в соседнее государство; здесь был горный проход, так называемый «насс», и хотя местность эта казалась тихой и уединенной, затерянной в глуши, пролежавшая внизу дорога служила большим проезжим трактом между двумя богатыми и густонаселенными странами, и все лето мимо мельницы медленно вползали в гору или быстро катились вниз, под гору, исчезая в облаках пыли, громоздкие дорожные берлины и тяжелые фуры с разным грузом и товарами. Но так как подъем в гору с другой стороны был менее крут, то этой дорогой в гору ехали не так охотно; ею пользовались главным образом едущие под гору, по направлению к равнине. Таким образом, большинство экипажей ехало в одном направлении, из общего числа их, проезжавших мимо мельницы, пять-шесть быстро катилось вниз, и всего только один туго и с трудом тащился вверх. То же самое можно было наблюдать и по отношению к пешеходам. Все легкие на ногу туристы, все торгующие в разнос всевозможными товарами, тяжело нагруженные своей ношей торговцы спускались мимо Билля вниз, как река, сопровождавшая их на всем их пути. Впрочем, это еще не все. Когда Билль был еще ребенком, страшная губительная война разгорелась и охватила многие страны, словно большой пожар; все газеты были переполнены отчетами о победах и поражениях; земля дрожала от топота кавалерии, и часто целыми днями и неделями, на протяжении десятков миль в округности, шум сражений нагонял страх и ужас на мирных поселян, работавших на своих полях; и поля часто оставались неподнятыми, необработанными и неубранными. Впрочем, обо всем этом долго ничего не было слышно здесь, в этой горной долине. Но вот однажды одному из главнокомандующих вздумалось провести свою армию форсированным маршем через этот горный проход, и в продолжение трех суток конница и пехота, пушки и фуры, барабаны и знамена, точно лавина, катились вниз мимо мельницы. И весь день, с раннего утра и до темной ночи, ребенок стоял и смотрел на этот живой поток людей, лошадей, орудий и обозов и жадным слухом ловил мерный звук шагов проходивших мимо отрядов и дружный топот конских копыт, и лязг оружия и всматривался в эти бледные небритые лица, загорелые, с обведенными темными кругами, впалыми глазами, всматривался в эти полинялые мундиры, выцветшие и оборванные, лоскутами висевшие значки и знамена, — и все это наполняло его душу жалостью, безотчетной тоской и удивлением. И всю ночь напролет Билль лежал в своей постельке, и ему все слышался грохот пушек, и мерный топот бесчисленных ног, и скрип бесконечной вереницы обозов, неудержимо двигавшихся все вперед и вперед, вниз под гору, мимо мельницы. Никто в долине не слышал потом о судьбе этой армии или об исходе этого похода. Этот горный проход

и долина лежали совсем в стороне от всяких толков и слухов в ту тревожную пору, и вести почти не доходили сюда.

Но одно Билль знал наверное, – это то, что ни один человек не вернулся назад. Куда же они делись все? Куда деваются и быстроногие туристы, и торговцы-разносчики со всеми их товарами? Куда скрываются и пропадают все эти запыленные экипажи со слугами, сидящими на запятках, или тяжелые дорожные берлины, нагруженные сундуками и баулами? Куда, наконец, девается неустанно бегущая сверху вода в реке? Все уходит вниз, а сверху все бежит новая, все бежит и затем опять уходит под гору. Даже и ветер все больше дует с гор вдоль по долине вниз, а в листопад уносит за собой целые тучи всякого мертвого листа и гонит и его вниз по долине. Казалось, будто все на этом свете стоворилось: и люди, и предметы неодушевленные, все они стремились вниз, весело и неудержимо, только он один отставал от всех, он один оставался на месте, как придорожный столб. Его радовало, когда он замечал, что рыбы плывут вверх по течению реки; хоть они-то остаются ему верны, тогда как все остальное мчалось вниз в какой-то неведомый ему мир.

Однажды вечером он спросил мельника, куда течет река?

– Она течет вниз по долине, – ответил тот, – и по пути она вращает уйму мельниц; говорят, целых сто двадцать мельниц отсюда до Унтердэка, и при этом ничуть не устает, сердешная! Дальше она течет по равнине и орошает поля наших плодороднейших местностей, житницы нашей страны, и бежит через целый ряд красивых, больших городов, в которых, как говорят, живут короли, одни, в громадных дворцах, и стража расхаживает взад и вперед у их ворот и дверей, и высокие каменные мосты перекинута через реку, а на мостах стоят каменные статуи и, странно и загадочно улыбаясь, смотрят в воду, а живые люди стоят тут же рядом и, облокотясь на каменные перила, тоже глядят на реку и на все, что за ней. А река все бежит дальше и дальше, по низинам, болотам и пескам, пока наконец не впадает в море, по которому ходят громадные корабли, что привозят к нам из далекой Индии попугаев и табак... Эх, далека еще ее дорога после того, как она, матушка, шумя и напевая, минует нашу запруду, благослови ее Господи!... – закончил мельник.

– А что такое море? Расскажи мне! – стал просить Билль.

– Море! – воскликнул мельник. – Прости, Господи, и помилуй нас, грешных! Море – это величайшее творение Божье; в море стекаются все реки и все воды со всего света, и походит оно на большущее соленое зеленое озеро, которому нет ни конца, ни края, и лежит оно плоское и ровное, как моя ладонь, и на вид такое спокойное и безгрешное, как спящий младенец. Но говорят, что как только подует ветер, оно сразу заволнуется, разбушует и начнет вздыматься высоко-высоко, как горы, и вырастают на нем водяные горы выше наших гор, и глотают они корабли больше всей нашей мельницы и так шумят и режут, что слышно за несколько миль. И живут в этом море громадные рыбы – в пять раз больше быка, и еще одна старая, огромная змея, длиннее всей нашей реки, – и стара она, как мир, и усатая, как человек, а на голове у нее серебряный венец.

Билль никогда еще не слыхал ничего подобного, и все это казалось ему так заманчиво, что он все продолжал расспрашивать, предлагая один вопрос за другим относительно того чудесного мира, который лежал там, далеко, вниз по течению реки, со всеми его страхами и опасностями и всеми его чудесами и диковинами, так что в конце концов и сам старый мельник всем этим заинтересовался и, взяв мальчика за ручку, повел его за собой на вершину того холма или пригорка за мельницей, откуда открывался вид на всю долину и далеко расстилавшуюся за ней громадную равнину. Солнце близилось к закату и стояло низко на прозрачном безоблачном небе. Все кругом светилось и сияло в золотых лучах заката. Билль еще никогда в своей жизни не видал столь обширного пространства перед своими глазами, такой громадный кругозор открывался ему впервые. Он стоял и смотрел во все глаза, как зачарованный. Он видел вдаль и города, и леса, и поля, и сверкающие изгибы светлой реки, и необъятную даль, где на

краю горизонта равнина сливалась с небесным сводом, резко ограниченная темной линией от ясного свода неба. Сильное волнение охватило при этом ребенка, он тяжело дышал; сердце его усиленно билось, как у пойманной птички; все сливалось у него перед глазами, солнце, казалось, кружится быстро-быстро, как светящееся лучистое колесо, выкидывая при вращении странные, причудливые фигуры, мгновенно сменявшиеся и исчезающие, как в калейдоскопе. Билль закрыл лицо обеими руками и разразился целым потоком слез и судорожных рыданий, а бедный мельник, озадаченный, огорченный и несколько разочарованный, не зная, что ему делать, не нашел ничего лучшего, как взять мальчика на руки и молча отнести его домой.

С этого дня Билль преисполнился новых надежд и желаний. Что-то постоянно сосало его сердце, что-то тянуло его непрестанно куда-то в неизвестное пространство; когда он мечтал, следя за бегущей рекой, ее струи уносили с собой его мысли и думы, его мечты и желания куда-то далеко-далеко; ветер, проносясь над бесчисленными верхушками сосен, нашептывал ему ободряющие слова; склоненные ветви деревьев сочувственно кивали ему, а большая проезжая дорога, круто загибавшая за угол и, извиваясь, спускавшаяся все круче и круче вниз, быстро исчезая из глаз, возбуждала его вожеления и как будто манила его вдаль. Он подолгу оставался на пригорке, наблюдая за падением реки, глядя по целым часам на ее капризные извилины, на тучные пастбища и поля на равнине, следя за тучками и облаками, несущимися по ветру в небесном эфире и влачившими свою легкую розоватую тень по земле. Или же он оставался стоять у проезжей дороги и провожал глазами экипажи, катившиеся вниз по берегу реки. Все равно, что бы то ни было, все, что проносилось мимо, будь то облака или тяжелый берлин, птица или темные струйки воды в реке, сердце его рвалось им вслед, летело за ними в каком-то страстном экстазе.

Ученые утверждают, что все мирские подвиги, громкие, славные открытия и завоевания на море, все переселения народов, нашествия и набеги племен и народов, которыми пестрит вся древняя история, вызваны были ничем иным, как простым законом спроса и предложения, в связи с естественным, врожденным, можно сказать, инстинктом, или вернее, склонностью к легкой наживе. Но каждому, кто захочет поглубже вдуматься в смысл этих слов, подобное объяснение покажется жалким и несостоятельным. Племена и народы, надвигавшиеся тучами с севера и востока, отчасти были вытесняемы вперед другими племенами и народами, теснившими их сзади, и отчасти были привлекаемы и магнетическим влиянием юга и запада. Слава о богатствах и роскоши других стран дошла до них, имя Вечного Города, как музыка, звучала у них в ушах; это были не колонисты, а паломники: они шли за золотом, вином и солнцем, — но в сердцах их жили высшие идеалы, лучшие стремления. Ими двигало то вечное божественное стремление, вложенное в сердца людей самим Богом, — то благородное стремление, испокон веков присущее человеку, и которому мир обязан всеми величайшими подвигами, как и всеми величайшими заблуждениями, которое дало крылья Икару и вместе с ним взлетело в небо, которое погнало благородного Колумба в пустынный Атлантический океан; оно же вдохновляло и поддерживало и этих варваров в их трудных и долгих походах. Существует прекрасная легенда, превосходно иллюстрирующая дух этих кочевников-завоевателей. Однажды отряд таких кочевников встретил на своем пути старца, обутого в железные сандалии; этот старец спросил их, куда они держат путь, и они все ответили ему в один голос: «В Вечный Город!» Он взглянул на них строго и сказал: «И я искал его, всю жизнь искал, искал по всему свету! Три пары таких сандалий я износил, как вот эти, что вы видите у меня на ногах, — и эта четвертая пара тоже начинает пронашиваться, а я все еще не нашел Вечного города». И старец повернулся и пошел одной своей дорогой, оставив их изумленными. Но даже и эта аллегория страстного стремления вперед, к неизвестному, едва ли могла бы сравниться с чувствами Билля по отношению к равнине. Если бы он только мог уйти туда, далеко-далеко! Ему казалось, что зрение его станет чище и проницательнее, что слух его сделается чутче и само дыхание превратится в наслаждение, которое преисполнит радостью и весельем его душу. Здесь он

чувствовал себя пересаженным на чужую почву; он увядал и чах, он был здесь на чужбине и его тянуло на родину, – на далекую прекрасную родину. Мало-помалу он нахватался отовсюду обрывочных сведений о внешнем мире: о реке, вечно бегущей вперед и вечно пробивающейся, пока не вольется в величественный океан, о городах, населенных веселыми богато одетыми людьми, проворно снующими взад и вперед среди бьющих фонтанов и мраморных дворцов, о хорах музыкантов и певцов, об улицах, освещавшихся ночью бесчисленными искусственными золотыми звездами; об огромных соборах, университетах, где пребывали ученые, о храбрых армиях и бесчисленном количестве денег, хранящихся в темных подвалах и подземельях, под тяжелыми каменными сводами, о страшных пороках, выставляемых напоказ при свете солнца, и об ужасных преступлениях, таящихся в ночной тьме, о ночных убийствах и злодеяниях. Как я сказал, его тянуло в этот неведомый, сказочный для него мир, как на родину. Он был словно существо, находящееся в состоянии предбытия, в бесформенном туманном хаосе чудесных смутных образов и представлений, любовно простирающее свои руки с вождением к многоцветной, многогранной и многозвучной жизни. Не удивительно, что он был несчастлив, и не раз он мысленно обращался к рыбам с такой речью: «Вы созданы для вашей жизни и не желаете ничего, кроме червяков и текучей воды, да уютного убежища среди камней или песчаных скалов этих берегов, но я, я имею в жизни иное назначение! Моя душа полна ненавистных желаний и мечтаний, и я грызу себе пальцы и пожираю глазами все, что могу; но весь этот многообразный мир не в состоянии удовлетворить моих вождений! Настоящая жизнь, настоящий солнечный свет там, далеко внизу, – на равнине! Как бы я желал хоть раз увидеть тот солнечный свет во всем его величии и великолепии, прежде чем умереть! Хоть раз с ликующей душой побродить по этой блаженной золотой стране! Услышать стройное пение и малиновый звон колоколов, и погулять по тем роскошным садам. Ах, рыбы, рыбы! – восклицал он, – если бы вы только повернулись вниз по течению, вам было бы так просто и легко доплыть до сказочных морей и увидеть там громадные корабли, проплывающие над вами точно облака, и услышать вой и рев огромных водяных гор, колышущихся и шумящих над вами целые дни!» Но рыбы продолжали плыть в раз избранном ими направлении, и в конце концов Билль не знал, плакать ли ему или смеяться, глядя на них.

До сего времени Билль смотрел на движение большой дороги, как смотрят на предметы, изображенные на картинке; иногда еще случалось обменяться поклонами с кем-нибудь из туристов или увидеть в окне кареты какого-нибудь пожилого господина в дорожной фуражке, но вообще все это было в его глазах не более как символ общего движения, общего стремления вдаль, на которое он смотрел как бы издалека, с особого рода суеверным чувством. Но вот настало время, когда все это изменилось: старый мельник был по натуре своей человек, до известной степени, жадный и никогда не упускал случая нажиться честным путем, и потому он надумал превратить свой дом, стоявший у самой дороги, в маленькую придорожную гостиницу с заезжим двором. Счастливо заработав на этом малую толику деньжонок, он построил конюшни и выхлопотал себе право на содержание почтовой станции на своем участке почтового тракта.

Теперь Билль должен был прислуживать заезжим, останавливавшимся в гостинице и желавшим закусить в беседке в конце сада, прилегающего к мельнице. Прислуживая проезжим, Билль всегда слушал во все уши и смотрел во все глаза, и потому многому научился и много узнал нового о внешнем мире, подавая гостям вино или яичницу. Не довольствуясь этим, он нередко вступал в разговоры с одинокими путешественниками, и благодаря его вежливой внимательности и осторожным, разумным расспросам, ему удавалось не только удовлетворить свою любознательность, но и приобрести в то же время симпатии и благорасположение тех лиц, которым ему случалось прислуживать. Многие поздравляли стариков, хозяев гостиницы, с таким прекрасным слугой, а один старик – профессор, хотел даже увезти с собой мальчика, чтобы дать ему солидное образование там, в большом столичном городе. Мельник и его жена

были очень удивлены этим, и еще более польщены, чем удивлены; теперь они были вполне убеждены, что прекрасно поступили, открыв гостиницу.

– Вот видишь, – говорил старик жене, – у Вилли особый дар привлекать к себе людей – никто не умеет так услужить и так угодить гостю, как он! Он, как нарочно, создан, чтобы стать хозяином гостиницы, и мы никогда не могли бы сделать из него ничего лучшего!

Так жизнь шла своим чередом в маленькой горной долине, к общему удовольствию и удовлетворению всех ее обитателей, кроме одного только Билля. Каждый отъезжающий от гостиницы экипаж, казалось, увозил с собой частицу его души; и когда кто-нибудь из путешественников шутя предлагал ему местечко в своем экипаже, мальчику стоило невероятного труда подавить охватывавшее его всякий раз в таких случаях волнение. Но добродушные старики, его приемные родители, да и сам шутник, даже не подозревали его горя. Каждую ночь ему снилось, что смущенные слуги будят его, что у дверей его ждет роскошный экипаж, готовый увезти его далеко-далеко, на равнину. И каждую ночь видит он этот сон, и то, что поначалу было для него чистой радостью, стало мало-помалу принимать почти зловещий характер. Этот ночной призыв и ожидающий у дверей экипаж стали занимать в его воображении столь серьезное место, что он затруднялся сказать, следует ли ему радоваться этому видению или же опасаться его.

Однажды, это было, когда Биллю исполнилось уже шестнадцать лет, в их гостиницу перед закатом солнца прибыл молодой толстяк, пожелавший здесь переночевать, а завтра ехать дальше. Он выглядел жизнерадостным человеком, с веселым приветливым взглядом и добродушной улыбкой; в руках у него была дорожная сумка и книга. Пока ему готовили обед, он прошел в беседку и расположился читать, но стал наблюдать за Вилли и настолько отвлекся от своего чтения, что даже отложил книгу в сторону. Как видно, он принадлежал к числу тех людей, которые предпочитают живую человеческую речь самым разумнейшим печатным рассуждениям, и общество живых людей обществу людей, созданных при содействии чернил и бумаги. Билль, со своей стороны, хотя и не особенно заинтересовался с первого взгляда этим приехавшим, вскоре стал находить серьезное удовольствие в беседе с ним; разговор его отличался и большим добродушием, и большим здравомыслием, и в конце концов Билль проникся громадным уважением как к самой личности своего собеседника, так и его широкому уму и образованности. Беседа их затянулась до поздней ночи, можно сказать, даже до утра. Около двух часов после полуночи Билль открыл молодому толстяку свою душу, он рассказал ему все, что у него было на сердце и на уме: как он стремился вырваться из этой тесной горной долины, какие блестящие мечты и надежды у него связаны с многолюдными городами там, на равнине. Какая жажда видеть все, чего он никогда не видел, мучает и томит его уже много лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.